

Отелло в нетопленной спальне

Тел. 244-06-06

На очередной летучке в Северо-Осетинском обкоме партии было сообщено о приезде специального корреспондента «Советской культуры», намеревающегося посмотреть спектакли всех четырех республиканских театров. Воскликнул неожиданное замешательство. Затем последовало конфузливое сообщение: на токушник мочить в городе функционирует лишь один — Осетинский драматический. Музыкальный театр закрыт пожарной инспекцией. Русский драматический не открыл сезона на стационаре из-за незаконченного строительства, а кукольный вообще не работает в своем здании уже два года, кочует по городам и селам. Что происходило далее в кабинете первого секретаря, судить не берусь. Однако в день приезда корреспондента срочно открылся Музыкальный театр и показал заполненному на треть зрительному залу оперу Леопольдом «Павий», а к слову замечти, что тогда по стране шла Неделя «Театр — детям и молодежи» и упомянутую треть зала составляли подростки. В это же время в пределы давно пустующей стройки Русского драмтеатра вторглось несколько бригад во главе с начальником РСХ.

Проблемы театральной жизни Северной Осетии свелись в запутанный клубок, нити из которого ведут порой за границы автономной республики и связаны с общими неурядицами состоянием театрального дела. Но часть вопросов можно решить на месте. Можно. Однако они не решаются.

Музыкальный театр пожарной инспекция закрыла несколько раз. Последним поводом стало легкое возгорание оркестровой ямы. При этом проявил нежелательную отагу сам директор театра, искусно управлявшийся с огнетушителем.

А в труппе атмосфера ныне такова, что директору, дабы оперативно гасить то и дело вспыхивавшие в коллективе конфликты, необходима отага не меньшая, чем при пожаре. Некомплектный оркестр, нет главного балетмейстера, с 1972 года музыкальному театру не

выделяли никакой аппаратуры. Балетных спектаклей очень мало — не хватает солистов. Главный режиссер Ю. Лемов со своей должностью явно не справляется, поставленную им сравнительно недавно «Хануму» комиссия Министерства культуры РСФСР назвала одной из худших работ труппы. Лишенные должного режиссерского контроля, артисты оперы забывают своим парти, вступают не вовремя и не согласованно с оркестром. Сейчас в ГИТИСе учится вокальная студия, предназначенная данному театру, но ставок нет, и как будут принимать молодежь, неизвестно.

Театр кукол города Орджоникидзе имеет добрую славу, успешно проводит гастроль в разных городах страны, а том числе и в Москве. Как говорил главный режиссер труппы Михаил Гаев, москвичи помогают театру и интересуются им гораздо больше, чем местное население. Скажем, итоги гастроль в столице не были обсуждены в Министерстве культуры республики. Здание театра ремонтируется уже два года, и конца делу не видно. В театре нет гардероба и буфета. За последние два-три года в маленьком коллективе было сокращено восемь еданий. Здесь вам не встретить ни главного машиниста, ни заведующего труппой, ни художника по свету. А лет пять назад был ликвидирован вспомогательный состав, откуда в труппу могла приходиться олареинная молодежь. Театр показывает в год 400 с лишним спектаклей на сцене и около 250 в городе, но за последние пять лет в местной прессе, кроме информационных материалов, о нем ничего не написано. В свой кукольный не заглядывают ни деятели просвещения республики, ни партийные и комсомольские работники города.

С главным режиссером старейшего в Северной Осетии Русского драматического театра, не открывшего на стационаре свой 118-й сезон, побеседовать не удалось. Его попросту нет. Чекарда с руководством Русского театра продолжает давно и похороно на стремительно раскрутившуюся карусель. Потому и невозможно говорить о каких-то серьезных тенденциях в

творчестве театра. Все здесь зависит от случайностей, от честолюбивых желаний ведущих артистов, от прихоти заезжих режиссеров. Случайным выглядит и репертуар. «Человек, который смеется» соседствует с «Месье Амидьяром», который «платит», и «Гнедом кукушки». А полной неясности относительно ближайшего будущего вполне отвечает название недавно релетированной в театре пьесы «Ходя слухи». Создается впечатление, что этот театр прочно и наглухо отгорожен от окружающей действительности. А между тем внутри коллектива ежедневно возникают сюжеты, из которых можно было бы составить замечательную по своему жанровому разнообразию афишу. К тому же на сугубо местные и остроактуальные темы.

Вот скетч про милейшего театроведа, который за немением режиссуры ставят спектакли.

Вот трагикомедия из жизни репетирующих в шубах артистов или «производственная драма» о спешном исключении «за критиканство» из рядов художеств двух несообразных людей, представителей отделения театрального общества и партийной газеты.

Вот новелла о пришедшем в полную негодность транспортном хозяйстве Русского драмтеатра и притча о чистоте гардероба, превращенного в комнату для очень почетных гостей.

Вот мелодрама о пожилом артисте, срочно введенном в спектакль «Пять романсов в старом доме» и неторопливо читающим свои реплики по экземпляр журналу «Театр» с опубликованной в нем пьесой...

И все это драматургическое «богатство» разыгрывается в удивительно, старинном здании Русского театра, легком и одновременно величественном. Здесь сохранился аромат времени: вот там, на ярусе, было место рецензента владикавказской газеты Сергея Кирова, в этих стенах начинал Евгений Вахтангов, здесь часто бывал Михаил Булгаков...

Теперь же в течение долгого времени республика добивалась и добилась в самых высо-

ких инстанциях разрешения и денег на строительство нового театрального здания русского театра мест здан на посемостом. Так и хочется закричать: не покидайте старых стен! Северной Осетии нужен концертный зал, необходим новый театр кукол — отдайте новое здание им. Ведь как часто пустует и нынешний зал в четирыста мест! Зачем же увеличивать количество пустых кресел?

Осетинский драмтеатр тоже закрывался пожарниками. Но все же на сегодняшний день он единственный выглядит достаточно стабильно. Проблемы, конечно, есть и тут. Ну, скажем, хорошо бы проводить занятия по речи и движению или хотя изредка приглашать на постановки серьезных режиссеров страны. Сюда ходит больше на легкие комедии, классику смотрят не хотят. Есть здесь «почетные спектакли», которые показывают лишь критикам и комиссиям. Или вот еще — из 60 человек труппы лишь пятеро младше тридцати лет.

И все же на фоне других театров творческие проблемы осетинского могут показаться обидными. Хотя о взаимоотношениях театра со своим руководством в органах управления культуры умолчать не могу.

Особо хочу сказать о стиле работы заведующей отделом культуры обкома партии А. Цаллаговой. Алла Матвеевна поистине активно участвует в творческой работе театра: приглашает однажды в кабинет главного режиссера Осетинского драмтеатра Г. Хугаева, она настойчиво предлагала ему поставить «Отелло», при этом назначила и артиста на главную роль. Определила и сроки: «Надюсю, трех месяцев вам будет достаточно?». Экономист по образованию, бывший работник торговли, Алла Матвеевна часто вмешивается в процесс распределения ролей, может возмутиться музыкантами оркестра, настраивающими свои инструменты... при артистах (!) Но есть у нее особая страсть: принимать у себя жалующихся людей театра. Подобные беседы, вероятно, занимают у заведомо культуры столько времени, что его не остается для главных режиссеров, для раз-

говоров с ними о творческих проблемах, о принципах репертуарной политики.

Откроем словарь Ожегова и прочитаем в содержании трех милых сердцу понятий: «забота» — мысль или деятельность, направленная к благополучию; «внимание» — сосредоточение мыслей или зрения, слуха на чем-нибудь; «участие» — деятельное или сочувственное отношение».

Вот в них-то все и дело! В отсутствии заботы, внимания, участия! В олимпийском спокойствии людей, занимающихся судьбой искусства Северной Осетии. В неуважительном отношении и истории собственной культуры. В доме всемирно известного осетинского актера Владимира Тхапсаева нет театрального музея. В Орджоникидзе почти нет памятных досок деятелям культуры. Театры пустыют, причины никого не волнуют. Ни один коллектив республики не рискует принять участие в широкомасштабном театральном эксперименте.

Пора собраться и поразмыслить о новых формах театрального процесса, необходимо выскочить из круга инертности, успокоенности. Дефицит нового мышления проявляется в отношении к людям, обеспокоенным сложившейся ситуацией. Я не знаю судьбы острой статьи заведующей отделом культуры газеты «Социалистическая Осетия» Бориса Гуриева о положении в Русском театре. До недавнего времени она покоилась в столе Цаллаговой, а смелый и принципиальный журналист был обвинен в отсутствии патристизма.

Закончил эту статью, а волнение не улеглось. Нашел ли я такие слова, чтобы, прочитав их, задумались руководители автономной республики о судьбах своего искусства? Чтобы позаботились о согражданах своих, чье духовное воспитание, чье свободное время сосредоточено сегодня в их незаботливых руках.

В. ОРЕНОВ,

наш спец. корр.

ОРДЖОНИКИДЗЕ — МОСКВА.